

Новые Известия. — 1999. — 27 янв. — с. 7
Александр Калягин: «Читать критику — все равно что гулять по утреннему Парижу...»

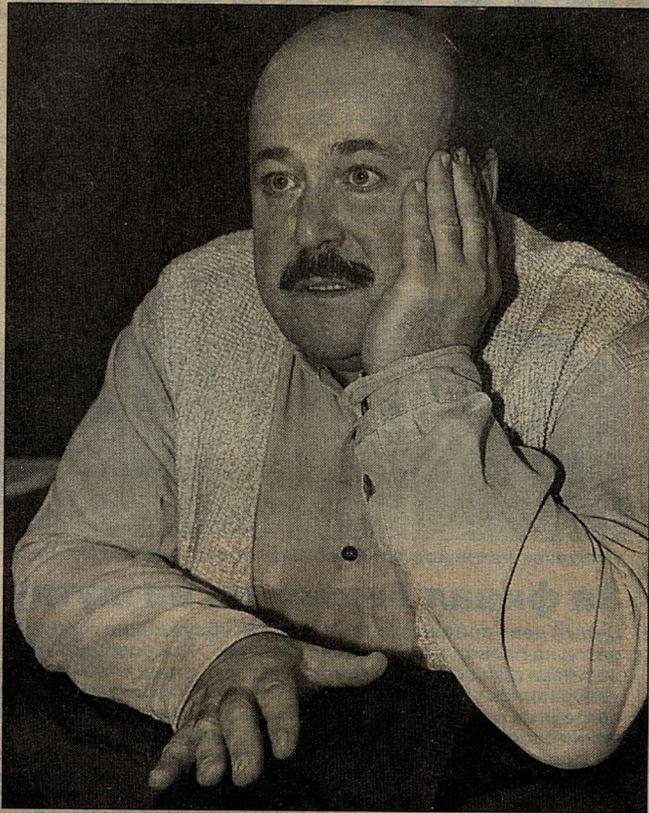
— Александр Александрович, в нынешнем году «Золотая Маска» будет присуждаться уже в пятый раз. Статус так называемой национальной премии, позволил ей за этот не очень долгий срок благополучно «заматереть» невзирая на периодически возникающее в кругах театральной общности недовольство — то распределением наград, то расходом финансов. Тем более мне бы хотелось огоршить вас для начала крамольным вопросом: а может ли вообще в растерявшемся, полуразрушенном государстве существовать понятие «национальная премия»? Речь идет не только о театре.

— Нет, о театре именно надо говорить отдельно. Театр — на сегодняшний день чуть ли не единственный живой организм, нормально функционирующий в этой стране. Потому что театральная жизнь протекает у нас вопреки всему происходящему, наперекор общим правилам. Скажем, мы с вами точно знаем, что россияне, живущие в провинции, чувствуют себя значительно обделеннее и неустроеннее москвичей. Но с театрами-то дело обстоит не так. Уже есть целый ряд городов и областей, где театры опекаются местными властями, их худо-бедно, но содержат — хотя бы как достопримечательность. При том, что в столице как раз полно трупп, брошенных на произвол судьбы — ищите спонсора... Вот мы провели ряд подготовительных совещаний, связанных с общероссийским театральным форумом, который должен пройти в Москве 1—2 марта, и увидели: в Омске — хорошо, в Новосибирске — хорошо...

— В общем, театр остается излюбленной русской народной забавой, на которую деньги находятся всегда. Даже когда их нет. И ежегодная неминуемость «Золотой Маски» — тому подтверждение...

— «Маска» тоже существует вопреки. Конечно, нельзя сказать, что мы нищие, нет, правительство Москвы старается помогать, Министерство культуры тоже, хотя часто опаздывает. У них записано, что в первом квартале надо профинансировать «Золотую Маску». Но первый квартал — вещь растяжимая. Можно дать эти деньги в январе, а можно и в марте, когда уже идет Фестиваль...

В этом кабинете бесконечно обсуждаются всевозможные письма — банкирам, бизнесменам, финансистам, которые могли бы помочь. Пишем, получаем ответы, обещания. Встречаемся. Некоторые помогают,

ДМИТРИЙ ХРИПОВ

кое-кто обманывает. Никогда не забуду, как «Маску» в прошлом году «кинул» Ингосстрах. Причем их президент лично нас принимал, много чего обещал и в результате ничего не сделал. Зачем тогда принимать?

— А вы не думаете, что им просто интересно: придет живой Калягин, да еще и в роли просителя?

— И это тоже, наверное.

— В таком случае, чтобы завершить не самую интересную, финансовую, тему, скажите прямо: вы уверены, что Фестиваль «Золотая Маска-99» состоится и 5 апреля новая порция лауреатов получат свои высокохудожественные полудрагоценные награды?

— Да, уверен.

— Ваше мнение по поводу номинантов, выбранных в этом сезоне Экспертным советом «Золотой Маски»?

— По-моему, Совет прекрасно поработал. Меня только удивило, что они решили не присуждать премию за лучшую женскую роль. Конечно, смотря какую планку ставить. Если сравнивать с Комиссаржевской и сетовать, что вот нет у нас сейчас ничего подобного...

— А вы видели когда-нибудь Комиссаржевскую?

— Ну так принято говорить...

— У нас нет Комиссаржевской, но есть, например, Неелова, которая, как я подозреваю, ничуть не хуже... Хорошо, а «Жака» в «Сатириконе» вы видели? Считаете, что его можно назвать лучшим московским спектаклем сезона?

— Нет, «Жака» не видел, к сожалению. А вы не согласны с таким решением?

— Не согласна.

— Какой спектакль выбрали бы вы?

— «Гамлета» Роберта Стурца, тоже, правда, сатириконовского... Впрочем, все это вопросы вкусовые. Но, чтобы дать волю разным вкусам, меняется ли состав Экспертного совета и Жюри?

— Разумеется. Они каждый раз обновляются. Но вообще проблема формирования и Экспертного совета, и Жюри существует. Все труднее отбирать кандидатуры в Совет на фоне общей деградации театральной критики...

— Вы это серьезно?
 — Абсолютно. Я могу вам сказать, что никогда не забуду первых своих хулителей. Меня били, но я понимал, за что. А уж когда хвалили... Мама моя умирала, у нее под подушкой лежала положительная рецензия, где упоминалась моя фамилия. Теперь я ничего не понимаю. Пустые, легковесные тексты. С тухлой «изюминкой» внутри... Вы гуляли когда-нибудь по утреннему Парижу?

— Было дело.

— Только совсем-совсем рано. Пока еще не убрали улицы. Там же, знаете, как собак выгуливают — как у нас, свободно. Идешь, заглядишься на что-нибудь и как раз попадешь в небольшую кучку... Точно так же я читаю то, что пишут сейчас о спектаклях, и вижу: здесь кучка, там кучка...

— Впервые слышу, чтобы современную театральную критику сравнивали с утренним Парижем...

— Ну не совсем так...

— Но все-таки... Александр Александрович, вы занимаете кресло председателя Союза театральных деятелей уже два с половиной года. Однако нельзя сказать, что вы естественно смотрите в этом кабинете. Видимо, вам вообще не очень идет кабинетная деятельность. Не жалеете, что не взяли тогда на съезде самоотвод?

— Пожалуй, не жалею. Я никогда не робел ни перед какой ролью. А это ведь тоже роль. Причем роль, которая способствует моему человеческому взрослению, что редко удается в театре. Кроме реальной возможности помочь своему брату, актеру, у меня здесь еще гигантская школа человеческого общения. Слава Богу, я по амплу характерный актер, не герой-любовник, поэтому мне не грозит заиграться. Не смотрюсь я в этом кабинете, и прекрасно. Я не тронулся умом, когда играл Ленина (такие случаи бывали, между прочим, не смеяться), думаю, не заиклюсь и на образе большого театрального начальника...

— Остаются у вас время и силы на «Ет сетега», ваш театр на Новом Арбате?

— Конечно. Кстати, придите, посмотрите, мы недавно выпустили премьеру — «Секрет русского камагера» по Ксении Драгунской. Спектакль на простую и вечную тему: вроде бы все идет к смерти, а все равно упирается в жизнь — в любовь, в детей...

Елена Ямпольская,
 «Новые Известия».